

3. Соколова М.А. Очерки по исторической грамматике русского языка. М.: Изд-во ЛГУ, 1962.
4. Кузнецов П.С. О принципах изучения грамматики. М., 1967.
5. Высотский С.С. Утрата среднего рода в говорах к западу от Москвы // Доклады и сообщения Института русского языка. М.; Л., 1948.
6. Ушаков В.Е. Родовые варианты имен существительных в древнерусском языке: Очерки по русскому языку. Киров, 1974.
7. Бодуэн де Куртене И.А. О связи грамматического рода с мимическим и наблюдением людей. ЭМНП, 1900.
8. Марков В.М. Историческая грамматика русского языка: Именное склонение. М., 1974.
9. Мучник И.П. Категория рода и ее развитие в современном русском литературном языке: Развитие современного русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Срезн. - Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. I, I-III. Спб., фототипическое издание. В примерах-сокращения источников, приняты в Словаре СРЯ - Словарь русского языка XI-XIV вв. М.: Наука, 1975-1986. Вып. I-II.
- Усп. со. - Успенский сборник XII-XIII вв. М.: Наука, 1971.
- СГ XII-XVI вв. Св. Кр. 6 - Смоленские грамоты. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Назир. - Назиратель (XVI в.) М.: Наука, 1973.

Кировский пединститут

М.В. Пульга

К ИСТОРИИ ИМЕНТЕЛЬНОГО-ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖЕЙ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

"При сравнительном консерватизме совокупности русских падежных значений особенно noticeable многофазная перестройка системы падежных форм, выходящая историей русского и праславянского языка. Преобразование и перераспределение падежного синкретизма, полного и частичного, требует синтетического обзора и внутреннего истолкования" [1, с. 196].

Совпадение древнерусских форм типа *столи - столы* рассматривается в научной литературе преимущественно в плане отношений между

именительным и винительным падежами - как реализация тенденции к объединению этих двух форм [5; 6; 8-II]. При этом принимается во внимание исконное тождество или древнейшее совпадение этих форм в дв. числе и во многих формах ед. и мн. числа, а также замещение форм И.ед. типа *качь*, *мати* формами В.ед. типа *камень*, *матерь* уже в историческое время.

Однако основания к объединению форм, выражавших столь различные синтаксические отношения, остаются неясными.¹ Более того, исследования последних лет показали, что сфера омонимии между формами И. и В. падежей была уже, чем это предполагалось ранее, что эти отношения в истории русского языка не всегда были устойчивыми и неизблевыми. Так, В.В. Колесов обнаружил различия в акцентировке форм И. и В.мн. у существительных женского рода (типа *двери - дьери*) и у слов среднего рода (*полотна - полотна*), возникшие в разное время [2; 3, с. 86, 197]. А.А. Зализняк убедительно доказал, что омонимия И. и В.ед. у слов мужского рода была чужда древневогостскому (очевидно, и древнепсковскому) диалекту: здесь И.ед. оканчивался на -е, а В.ед. на -ъ (*хлесе - хлесь*) [12, с. 129]. Словом, еще меньше стало оснований предполагать в совпадении И. и В. падежей реализацию устойчивой тенденции к объединению этих форм.

За последние десятилетия утвердились также некоторые новые взгляды на развитие форм именного словоизменения. Какова логика развития форм И. и В.мн. в контексте современных представлений о морфологической истории имени?

¹ Отсюда другая интерпретация явления: попытки рассматривать объединение И. и В.мн. у существительных мужского рода как своего рода уступку, на которую пошел язык в связи с действием других процессов: влиянием слов женского рода или объединением форм твердой и мягкой разновидностей одних и тех же типов склонения и объединением основы в твердой разновидности склонения и/или объединением типов склонения [история вопроса: 13, с. 63-67]. Не убеждает, однако, то, что так называемый косвенный результат этих процессов, то есть объединение И. и В.мн., имеет более регулярный и более универсальный характер, чем те процессы, которые могли его спровоцировать (это особенно очевидно, если иметь в виду не только собственно русские факты, но восточнославянские в целом и западнославянские). Хотя роль в качестве содействующих объединению (и регулирующих его направление) факторов вряд ли может быть поставлена под сомнение.

Унификация форм мн. числа убедительно рассматривается в новых работах как следствие тенденции к однозначной соотносительности значения множественности и средств выражения множественности. Ее реализацию видят в вчленении формообразующего аффикса -а- как показателя мн. числа, а обнаружение - в новообразованиях типа села, дворянств, селах, дворянах (на раннем этапе соотносительных с формой И. - В. мн. на -а: села, дворяна), а позднее также селами, дворянами [4; 5; 6]. Что касается И. и В. падежей, то их объединение рассматривается при этом как относительно автономный по своим движущим механизмам процесс - следствие общей тенденции к звуковому отождествлению этих форм.

Нам представляется, что оба процесса, захватывающие в совокупности основные изменения в формах мн. числа (и вчленение показателя множественности и объединение И. и В. падежей), можно рассматривать как частные проявления одной и той же тенденции, то есть тенденции к однозначной соотносительности значения множественности и средств выражения множественности. Однако под средствами в данном случае мы понимаем не падежные флексии как таковые, а систему падежных противопоставлений имен.

Последнее требует разъяснения, потому что представление о системе падежных противопоставлений как о средстве выражения грамматических значений не является распространенным. Не претендуя на достаточную разработку этого понятия, сошлемся на аналогию. Система падежных противопоставлений в качестве существенного, работающего признака парадигмы обнаруживает себя, например, в истории имен (существительного и согласуемых с ним в падеже слов) женского рода. Уподобление женских парадигм типа жена и кость (и ориентация на эту тенденцию согласуемых слов) наиболее очевидно себя проявляет именно в системе падежных противопоставлений. Имеется в виду древнерусские и диалектные формы типа от той жено, к той жене, о той жене или от той жены, к той жень, о той жень; или от той грязе к той грязи, в той грязе. Здесь тенденции к однозначной соотносительности значения рода в данном случае женского и средств его выражения, провоцирующая сближение двух основных женских парадигм, реализуется не столько в унификации флексий, сколько в унификации их системы падежных противопоставлений [7]. Другими словами, история форм ед. числа обнаруживает, что устранение грамматически немотивированных различий между словосменительными парадигмами осуществляется по двум направлениям: обобщение конкретной флексии и обобщение

одной из систем падежных противопоставлений.²

Исходя из этого опыта, и в истории форм мн. числа следует иметь в виду возможные проявления этого языкового механизма.

Таким образом, объединение И. и В. мн. предполагается рассматривать в плане устранения различий в системе падежных противопоставлений существительных во мн. числе, обобщения преобладающей (характерной для слов женского и среднего рода) системы с омонимией И. и В. падежей при реализации тенденции к однозначной соотносительности значения множественности и средств выражения множественности.

Что дает такой подход для интерпретации конкретных фактов? Он объясняет некоторую свободу выбора, реализованную в истории языка по отношению к характеру обобщаемой формы: мог быть обобщен В. мн., как преимущественно и стало в русском языке (стола), но при особых условиях, большей частью лексико-семантического характера, жизнеспособность могла проявить и форма И. падежа (соседи, бояре и др.). Для ситуации западнославянских языков, например, польского, эта объяснительная возможность особенно актуальна.

С изложенных здесь позиций предстает естественным развитие грамматических признаков одушевленности у всех существительных мн. числа, а не только у слов мужского рода, как в ед. числе. При унификации падежных противопоставлений в парадигме мн. числа омонимия В. и Р. падежей у одушевленных существительных была распространена и на слова женского и среднего родов: вижу сестер, чудовищ, как вижу отцов.

И в истории Т. мн. некоторые факты могут встать в закономерный ряд, если принять во внимание участие каждой из синонимичных флексий (-и, -ми и -ами) в формировании системы падежных противопоставлений. Так, активность замещения формы Т. мн. типа стола формой столами можно объяснить давлением системы падежных противопоставлений как фактора, сопутствующего осуществлению процесса: новообразования на -ами завершали унификацию системы падежных противопоставлений во мн. числе. А медленное развертывание слов среднего рода в основные флексии -ами, непонятное на фоне их лидерства по отношению к новым флексиям -ами и -ахъ, сравнительная жизнеспособность

² Вопрос для обсуждения: можно ли считать, что падеж в качестве явления морфологии проявляет себя не в отдельной падежной форме, а в системе падежных противопоставлений, в "падежной парадигме", по определению Р. Якобсона [1, с. 182].

способность форм типа гостями, дверьми, — это этапы "естественного" хода событий в обобщении показателя множественности —а, непосредственного названным сопутствующим обстоятельством.

В условиях активных поисков общей позиции возможен и другой исход: развитие омонимии И. — В. — Т. мн. у слов с исконным противопоставлением Т. падежа. Эти попытки системы реализуются в новообразованиях — вроде своими деньгами, в большом количестве документированных памятниками и в лингвистической литературе объясняемых неоднозначно.

По поводу предложенных интерпретаций может возникнуть вопрос: правомерно ли факты разного времени, явления нескольких веков связывать с действием одного и того же языкового механизма? Думается, что основания для этого есть, поскольку система падежных пртиво-поставлений понимается здесь как элемент структуры языка, который неизбежно обнаруживает себя при реализации тенденций, определяющих развитие грамматического строя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Якобсон Р. Морфологические наблюдения над соавянским склонением // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985.
2. Колесов В.Б. Ударение *Мелко*-основ в древнерусском языке // Известия ОЛЯ АН ССР. М., 1969. Т.28. Вып. I.
3. Колесов В.Б. История русского ударения / Именная акцентуация в древнерусском языке. М.: Изд-во ЛГУ, 1972.
4. Марков В.М. Формы имен в языке судебников XV—XVI вв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1956. Т. II.6. Кн. II. (Учен. зап. Казан. ун-та).
5. Марков В.М. Историческая грамматика русского языка: Именное склонение. М.: Высш. школа, 1974.
6. Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. М.: Просвещение, 1981.
7. Шульга М.В. К интерпретации падежной омонимии в русском склонении // Вопросы языкознания. М., 1985. №2.
8. Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907.
9. Шахматов А.А. Историческая морфология русского языка. М.: Учпедгиз, 1957.
10. Обнорский С.П. Именное склонение в современном русском языке: Множественное число. М.: Изд-во АН СССР, 1981. Вып. 2.
11. Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. Киев:

Радянська школа, 1953. Т.2.

12. Зализняк А.А. Комментарии к словоказателю к берестяным грамотам // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1977—1983 гг. М.: Наука, 1986.

13. Кузнецов П.С. Очерки исторической морфологии русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

Всесоюзный институт повышения квалификации работников печати

О.А.Фрум

СООТНОШЕНИЕ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ В СПИСКАХ "ПОВЕСТИ О САВВЕ ГРУДИЦНЕ"

Как известно, формы простого прошедшего времени вышли из употребления в живой разговорной речи в XIII—XIV вв. Однако аорист и имперфект продолжали активно употребляться в памятниках письменности различных жанров вплоть до начала XVII в. Естественно, эти формы широко используются и в языке привлекаемых к анализу двух редакций "Повести о Савве Грудцне". Возникает вопрос: почему это происходит? Может, как считают некоторые исследователи, аорист и имперфект употреблялись как память о старине [2, с.25] или по традиции [5, с.112]? Чтобы ответить на вопрос, являются ли, в частности, формы позднего аориста "традиционными" или представляют собой живые формы повествования [3, с.288—289], обратимся к текстам двух редакций "Повести".

Сопоставление списков одного и того же памятника дает возможность выявить некоторые языковые изменения [4, с.129], пути вытеснения одних форм другими. Первая редакция "Повести о Савве Грудцне" представляет собой один из списков архетипа, который по времени создания относится к XVII в. Вторая редакция, написанная в XVII в., отличается от первой тем, что фиксирует доступ разговорного языка в письменность. Казалось бы, количество форм аориста в ней должно быть сокращено за счет аористных форм, которых во второй редакции почти в три раза больше, чем в первой. Однако это не так. Аористные образования употребляются чаще, чем формы на —л. Чем объяснить этот факт, кажущийся парадоксальным? Оказывается, составитель второй редакции менее активно использует формы настоящего